С крестом и мечом

Надточий В. Д.

Том IV

Крестовые походы

Крест над Европой

Священная война среди христиан:
союзы и предательства,
вера и власть, рыцари и короли

18+

Владислав Надточий

Том IV. Крестовые походы. Крест над Европой. С крестом и мечом

«Автор»
2026

Надточий В. Д.

Том IV. Крестовые походы. Крест над Европой. С крестом и мечом / В. Д. Надточий — «Автор», 2026

Что происходит, когда христиане объявляют священную войну другим христианам?Под одним и тем же крестом выступают армии, готовые уничтожить друг друга. Короли предают союзников, рыцарские ордены бросают вызов государям, а папские призывы превращают политические распри в войны за веру.От Испании легендарного Сида до суровых берегов Балтики, от пылающих городов Южной Франции до гуситских войн в Богемии — перед читателем разворачивается история Европы, в которой граница между защитником веры и её врагом могла измениться за одну ночь.Здесь нет простого разделения на праведников и злодеев. За знаменитыми битвами скрываются тайные договоры, борьба за престолы, судьбы осаждённых городов и решения, изменившие целые народы.Почему крест стал знаменем войны между единоверцами? И кто получил право решать, за кем стоит Бог?История крестовых походов оказывается куда неожиданнее привычных легенд.

© Надточий В. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Сид, Альфонсо Воитель и путь через Испанию (1086–1147) 7
Глава 2. Монахи с мечами и колокола Сантьяго (1147–1266) 18
Глава 3. Последний эмират (1262–1615) 27
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Владислав Надточий
Том IV. Крестовые походы. Крест над Европой. С крестом и мечом

Пролог

Они шли под знаком креста — и на стенах осаждённого города видели тот же крест. Перед боем обе стороны молились одному Богу. Каждая называла себя защитницей веры. Каждая ждала победы как свидетельства собственной правоты. Но когда ворота будут разбиты, кто решит, чья молитва была услышана?

Это не было единичным случаем. В Средние века крестовый поход мог обрушиться на земли, населённые христианами. И тот, кто ещё вчера считался союзником, завтра рисковал услышать, что против него дозволено выступить во имя святого дела.

Политическая карта средневековой Европы плохо укладывается в привычное деление на два непримиримых лагеря. В Испании прославленный христианский воин Родриго Диас, будущий Сид, служит мусульманскому правителю Сарагосы. На Балтике монахи-рыцари возводят крепости, а борьба за обращение местных народов переплетается с борьбой за торговые пути и землю. В Лангедоке крестоносцы выступают против городов, жители которых исповедуют христианство. В Богемии войско с крестами на знамёнах идёт против людей, для которых Евангелие тоже является высшим авторитетом.

Что же делало войну священной? Приказ государя? Решение папы? Крест, пришитый к плащу? Обещание духовной награды? Но за каждым из этих ответов стоит вопрос, кто имел право назвать врага неверным — и мог ли сам обвинитель оказаться на его месте.

За призывами защищать веру стояли решения, определявшие судьбы городов. Король мог заключить союз с противником иной религии, чтобы одолеть собственного единоверца. Епископу требовались корабли купцов, купцам — безопасные дороги, рыцарям — жалованье и земля. Договор, скреплённый клятвой, иногда оказывался недолговечнее перемирия, заключённого из необходимости. И всё же было бы ошибкой видеть в религиозных убеждениях лишь прикрытие: люди действительно верили, боялись греха, искали спасения и ради этого шли на смерть.

В рассказе хрониста победа редко бывает случайной. Он говорит о праведном деле, небесной помощи и наказании противника. Но у побеждённых остаётся собственный рассказ. Если поставить эти свидетельства рядом, возникает иная картина: за торжественными речами слышны голоса осаждённых, за перечнями завоеваний видны разрушенные связи между соседями, а за решениями соборов — спор о том, кто вправе определять границы христианского мира.

Исторические судьбы плохо укладываются в позднейшие легенды. Сид, ставший символом христианской Испании, не соответствует образу воина, всю жизнь сражавшегося лишь с мусульманами. Крещение литовского правителя не положило конца войнам с Тевтонским орденом. Победа под Грюнвальдом не завершила спор: он продолжился на церковном соборе, где оружием стали доводы юристов и богословов. А гуситы доказали, что хорошо организованное войско способно поколебать силы, выступавшие против него под знаменем крестового похода.

Имена героев, мучеников и предателей зависели от того, кто вёл рассказ. Не все из них узнают себя в привычных нам легендах. Одни вошли в память благодаря победам, другие —

благодаря обвинениям, которые оставили их враги. Поэтому здесь важны не только битвы, но и то, как о них рассказывали, что умалчивали и зачем возвращались к ним спустя поколения.

Повествование начинается на Пиренейском полуострове и продолжается на берегах Балтики, от земель пруссов и литовцев к городам Южной Франции и Богемии. Сопоставление этих событий показывает, что священная война не имела одного неизменного облика. Её язык помогал объединять людей, но мог раскалывать общества; обещал порядок, но порой оставлял после себя новые границы и новые поводы для насилия.

Главный вопрос возникал ещё до встречи армий на поле боя. Он звучал в тот миг, когда кто-то объявит, что его противник более не заслуживает обычного мира. Кто давал ему это право? И что происходило с Европой, когда право говорить от имени веры оспаривали сразу несколько властителей? Начать поиски ответа следует с человека, чья слава пережила его самого, а настоящая биография оказалась сложнее легенды. Его звали Родриго Диас. История запомнила его как Сида.

Глава 1. Сид, Альфонсо Воитель и путь через Испанию (1086–1147)

В предыдущих томах основное внимание уделялось событиям в Восточном Средиземноморье — у стен Константинополя, Антиохии, Иерусалима и Акры. Между тем призывы к священной войне звучали и на других окраинах Европы. За Пиренеями христианские королевства столетиями соседствовали с мусульманскими владениями; у Балтийского моря рыцарские ордены и епископы стремились закрепить власть на землях местных народов. Наконец, крестовый поход мог быть направлен против тех, кто сам исповедовал христианство. Чтобы понять, как возникали такие войны, стоит обратиться в жизни пограничья, где вера, служба и политическая выгода далеко не всегда совпадали.

Испания конца XI века показывает это особенно ясно. После распада Кордовского халифата на полуострове возникли соперничающие мусульманские княжества. В 1085 году Альфонсо VI овладел Толедо, но уже в следующем году потерпел поражение от Альморавидов при Саграхасе. Об этих событиях говорилось в первом томе. Здесь существеннее иное: победители и побеждённые не составляли двух неизменных лагерей. Их союзы, даннические обязательства и личная верность нередко пересекали религиозные границы.

В историографии XIX века за этой борьбой закрепилось название «Реконкиста» — «отвоевание». Слово это предполагало, что на протяжении почти восьми столетий, от высадки арабов и берберов в 711 году до падения Гранады в 1492 году, христиане Испании вели одну и ту же войну, возвращая себе землю, отнятую у их предков-вестготов. Средневековые люди этим словом не пользовались, и сегодня исследователи используют его с оговорками. Война на полуострове то вспыхивала, то затихала на десятилетия. Христианские короли воевали друг с другом не реже, чем с мусульманами, нанимали мусульманские отряды и сами служили эмирам. Мусульманские правители заключали союзы с христианами против единоверцев. И всё же сама идея отвоевания была не выдумкой позднейших учёных. Уже хроники IX века, написанные при дворе королей Астурии, говорят о том, что власть готов восстановлена на всей Испании. Эта мысль, то затухая, то разгораясь, прошла через всё Средневековье.

Позднейшая традиция связывала начало северных христианских королевств с событием, обросшим легендами. В 722 году, по преданию, в горах Астурии, у пещеры Ковадонга, вестготский знатный воин Пелайо разбил небольшой арабский отряд, и с этой победы будто бы началось освобождение Испании. Арабские авторы упоминают Пелайо лишь мимоходом, как предводителя небольшого отряда, укрывшегося в горах, преследование которого они сочли несущественным. Астурийские летописцы того же IX века сделали из этой стычки чудо, совершённое Богоматерью. Так в астурийской традиции сложилось представление о возвращении утраченных земель как о религиозном долге. Позднее оно оказалось созвучно идеям крестовых походов.

К концу XI века мусульманская Испания, которую арабы называли аль-Андалус, была разделена на два десятка небольших государств, так называемых тайф. Их правители покровительствовали поэтам и учёным, соперничали за влияние и нередко воевали между собой. Христианские короли севера использовали не только военную силу, но и угрозу нападения. Эмиры Толедо, Севильи, Сарагосы и Бадахоса платили им ежегодную дань, которая называлась париас. Золото тайф текло на север, в Кастилию, Леон, Наварру, Арагон и Барселону, и даже в далёкую Бургундию: Альфонсо VI ежегодно посылал аббатству Клюни огромную сумму, одну из крупнейших, какие монастырь получал за всю свою историю. На эти деньги монахи начали строить свою новую церковь, самую большую в христианском мире до постройки собора святого Петра в Риме.

Распад аль-Андалуса тревожил многих образованных современников. Кордовский учёный Ибн Хазм, умерший в 1064 году, ещё помнил блеск халифата. В молодости он написал «Ожерелье голубки», тонкую книгу о любви, полную историй из жизни кордовской знати, сохранившую читательский интерес до наших дней, а позже огромный трактат о религиях и сектах, где спорил с христианами, иудеями и мусульманскими еретиками. О правителях тайф он отзывался с презрением. Если бы, писал он, эти князья узнали, что поклонение кресту поможет им удержать власть, они поклонились бы кресту. Они платят христианам дань, отдают им крепости и мусульманских пленников, лишь бы те помогли им против соседей. Через двадцать лет после его смерти эти слова сбылись почти дословно.

О взглядах мусульманских правителей на эту систему свидетельствует редкий источник. Последний эмир Гранады из берберской династии Зиридов, Абдаллах ибн Булуггин, свергнутый в 1090 году, провёл остаток жизни в ссылке в Марокко и написал там воспоминания. В этих воспоминаниях правитель описывает в том числе собственные ошибки и политические поражения. Абдаллах передаёт разговор с посланцем Альфонсо VI, крещёным мосарабом Сиснандо Давидисом, который хорошо знал арабский язык и мусульманские обычаи. По словам эмира, Сиснандо объяснил ему замысел короля без обиняков. Аль-Андалус, сказал он, изначально принадлежал христианам, пока арабы не завоевали его. Теперь христиане хотят вернуть своё. Но воевать силой трудно, и потому лучше ослабить мусульман данью, пока у них не останется ни людей, ни денег, и тогда земля сама упадёт в руки христиан. Разговор, конечно, записан задним числом, но он передаёт трезвый взгляд, общий для обеих сторон: дань была не дружбой, а медленной войной.

Вмешательство Альморавидов изменило соотношение сил между тайфами и Кастилией. Их предводитель Юсуф ибн Ташфин, разбив христиан при Саграхасе, поначалу вернулся в Африку, но позднее вновь переправился через пролив и приступил к подчинению тайф. Он счёл правителей тайф нечестивцами, которые пируют, пьют вино и платят дань неверным, и за несколько лет сместил их одного за другим. Правитель Севильи аль-Мутамид, сам когда-то звавший Альморавидов, был увезён пленником в Агмат, в Марокко, и умер там в 1095 году. Ему приписывают слова, сказанные ещё тогда, когда его отговаривали от союза с африканцами: лучше пасти верблюдов в Африке, чем свиней в Кастилии. Неизвестно, говорил ли он это на самом деле. В Агмате аль-Мутамид обращался к пережитому в стихах: аль-Мутамид был одним из лучших поэтов аль-Андалуса, и его стихи о плене, о дочерях, прядущих пряжу за деньги, читают по-арабски до сих пор.

На этой неспокойной границе прославился Родриго Диас де Бивар. Он происходил из кастильской знати и в молодости служил королю Санчо II, а после его гибели — Альфонсо VI. Отношения с новым государем обострились: в 1081 году Родриго был изгнан из Кастилии. Он поступил на службу к правителю Сарагосы и воевал за него, в том числе против христианских государей — графа Барселонского и короля Арагона. Прозвище Сид обычно связывают с арабским словом «сайид» — «господин». Другое его прозвище, Кампеадор, подчёркивало воинскую славу. Уже эти подробности биографии плохо согласуются с позднейшим образом воина, который сражался исключительно ради победы одной веры над другой.

Позже он помирился с Альфонсо, снова поссорился и снова был изгнан, а потом начал войну за собственный счёт. Его целью стала Валенсия, богатый город на средиземноморском побережье. Осада продолжалась около двадцати месяцев. Голод в городе был страшен, и, по рассказу мусульманского очевидца Ибн Алькамы, текст которого сохранился в пересказе позднейшей кастильской хроники, жители ели кошек, мышей и кожу, а тех, кто пытался бежать из города, Сид приказывал убивать или отдавать на растерзание собакам. В июне 1094 года Валенсия сдалась. Вскоре под её стенами появилась армия Альморавидов, и Сид разбил её. Ему удалось то, что не удалось ни одному христианскому королю: он отбил натиск африканцев и удержал город.

О судьбе Валенсии известно и по рассказам побеждённых. Мусульманский автор Ибн Алькама составил сочинение, известное как «Ясное изложение горестной беды». Полностью оно не сохранилось: его содержание известно по фрагментам и пересказам позднейших хронистов. В этих рассказах подробно говорится о судьбе городского кади Ибн Джаххафа, которого Сид обвинил в сокрытии богатств прежнего правителя и подверг мучительной казни. Поскольку текст дошёл в позднейшей передаче, его подробности требуют осторожной оценки. Однако этот рассказ резко расходится с образом безупречного героя эпоса.

Сид правил Валенсией фактически самостоятельно. Он чеканил монету, судил, собирал подати и сохранил в городе значительную часть мусульманского населения. Главную мечеть города в 1098 году освятили как собор, а епископом Валенсии стал француз Жером де Перигор, клюнийский монах, пришедший в Испанию воевать с маврами, о котором поэма рассказывает, что он бился в первых рядах и любил рубить мавров собственной рукой. Но большинство жителей оставались мусульманами, и Сид, по-видимому, управлял ими через их собственных старейшин и судей, как это делали христианские короли в других завоёванных городах.

Арабский писатель Ибн Бассам, современник Сида, проклинает его в своей книге как тирана и бич своего времени. Но даже он, по известному переводу этого отрывка, признаёт, что этот человек по своей отваге, твёрдости и жажде славы был одним из чудес Господа. Сид умер в Валенсии в июле 1099 года, в те самые дни, когда участники Первого похода брали Иерусалим. Его вдова Химена удерживала город ещё почти три года, но в 1102 году Альфонсо VI, понимая, что Валенсию не отстоять, приказал оставить её. Христиане ушли, увезя тело Сида, и подожгли город. Альморавиды вошли в пепелище. Валенсия снова стала христианской лишь через полтора столетия.

Об историческом облике Сида спорят уже более столетия. Испанский филолог Рамон Менендес Пидаль в книге «Испания Сида» (1929) создал образ национального героя, воплощения кастильской доблести и верности, который боролся за единую христианскую Испанию. Ричард Флетчер, о книге которого «В поисках Сида» говорилось в томе I, предложил иной взгляд на его биографию: удачливого кондотьера своего времени, который служил то христианам, то мусульманам и воевал прежде всего ради добычи и власти. Флетчер не принижает Сида, но объясняет, что сам этот образ жизни был для пограничья XI века обычным. Пограничье оставалось зоной торговли, военной службы и изменчивых союзов, не совпадавших строго с религиозным разделением.

Примерно через столетие после смерти Сида возникла посвящённая ему поэма. «Песнь о моём Сиде», дошедшая до нас в единственной рукописи XIV века, восходит к тексту, который был записан, по-видимому, в самом начале XIII века писцом по имени Пер Аббат. Это произведение следует читать прежде всего как эпос, а не как документальное свидетельство. В поэме Сид оклеветан завистниками, изгнан неблагодарным королём, но остаётся верен ему, отправляет ему дары из своей добычи и в конце концов добивается прощения. На одной из первых страниц горожане Бургоса, глядя на уходящего в изгнание героя, вздыхают, и их слова, если перевести их буквально, звучат так: Боже, какой добрый вассал, если бы у него был добрый сеньор! На русском языке поэма вышла в 1959 году в серии «Литературные памятники» в переводе Бориса Ярхо. Противостояние религий не определяет отношения всех персонажей. Сид воюет с маврами ради добычи, а среди его друзей есть мусульманин Абенгальбон, верный и благородный союзник.

После смерти Сида его биография продолжала обрастать преданиями. Его похоронили в монастыре Сан-Педро-де-Карденья под Бургосом, куда Химена перевезла тело мужа, уходя из Валенсии. Его могила стала местом почитания, а монастырская традиция сохранила немало легенд о воине. Одна из легенд, включённая в кастильскую хроникальную традицию, повествует, будто умирающий Сид велел забальзамировать своё тело, посадить его на коня Бабьеку и вывести впереди войска, и мавры, увидев мёртвого героя, в ужасе бежали. Другие предания

говорят о его мечах Тисоне и Коладе, взятых у побеждённых врагов. Меч, который называют Тисоной, хранится сегодня в музее Бургоса. А прах Сида и Химены в 1921 году перенесли в Бургосский собор, где они покоятся под простой плитой посреди храма.

Политика Альфонсо VI также не сводится к противостоянию противостояния христиан и мусульман. Взяв Толедо, он стал называть себя императором всей Испании, а в одном арабском источнике его титул передан как «император двух религий». Независимо от точности этой передачи, она напоминает о многообразии его подданных: здесь жили христиане и мусульмане, а в Толедо ещё и многочисленная еврейская община. Одной из его жён, по-видимому, была мусульманка Заида, невестка правителя Севильи, бежавшая к нему после того, как Альморавиды убили её мужа. Она приняла крещение, и от неё родился тот самый Санчо, единственный сын короля.

Толедо сдался в 1085 году на сравнительно мягких условиях. Мусульманам обещали сохранить жизнь, имущество и свободу вероисповедания; главная мечеть должна была остаться мечетью. Вскоре это условие было нарушено. Новый архиепископ Толедо Бернар из Седирака, клюнийский монах французского происхождения, воспользовался отсутствием короля и вместе с королевой Констанцией занял мечеть, освятил её и превратил в собор. По рассказу, записанному в следующем столетии, Альфонсо пришёл в ярость и угрожал расправой над архиепископом и королевой. От наказания их якобы спасли сами мусульмане, опасавшиеся ответной расправы. Подробности этого эпизода могли быть преувеличены, но рассказ отражает напряжение между условиями капитуляции и притязаниями церковной власти. Королевская политика требовала договариваться с мусульманскими общинами, тогда как часть духовенства настаивала на более решительном утверждении христианского господства.

Несмотря на перемены, в Толедо продолжали жить общины трёх религий. Мосарабы, местные христиане, говорившие по-арабски, сохраняли свои приходы и богослужебный обряд, который им разрешили оставить в виде исключения после римской реформы. Их брачные контракты и купчие вплоть до XIII века писали по-арабски. Еврейская община Толедо была одной из самых больших и богатых в Европе. Её синагоги, построенные в XII–XIV веках мусульманскими мастерами в мавританском стиле, стоят до сих пор: одна из них, позднее превращённая в церковь, носит сегодня название Санта-Мария-ла-Бланка, и её белые арки с резными капителями похожи скорее на мечеть, чем на синагогу. Архитектура Толедо сохранила следы культурного обмена, продолжавшегося даже в годы войн.

В церковной жизни этих лет заметно усилилось французское влияние. По настоянию папы и Клюни в большинстве испанских епархий древний мосарабский обряд, унаследованный от вестготских времён, уступил место римской литургии. Предание рассказывает, что спор двух обрядов решали судебным поединком и огнём: два рыцаря выступили защитниками двух обрядов, а потом обе книги бросили в костёр. По одной версии, мосарабская книга уцелела в пламени, но король всё равно настоял на римском обряде. Мосарабскую службу разрешили сохранить лишь в нескольких приходах Толедо, где её служат и сегодня. Выходцы из Франции занимали епископские кафедры, селились в городах на пути в Сантьяго и участвовали в войнах на полуострове. Связи с землями к северу от Пиренеев укреплялись.

После смерти Альфонсо VI в 1109 году Кастилия пережила тяжёлые годы. Годом раньше, при Уклесе, Альморавиды разгромили её войско, и в битве погиб единственный сын короля, юный Санчо. Наследницей стала дочь Альфонсо, Уррака. Её выдали замуж за короля Арагона и Наварры Альфонсо I, которого современники прозвали Воителем, или Батальадором. Брак сопровождался политическими конфликтами между супругами, и в конце концов папа объявил его недействительным. При Альфонсо I Арагон значительно расширил свои владения в долине Эбро.

Его главной целью была Сарагоса, могущественный город на Эбро, долгое время находившийся в руках местной династии, а с 1110 года подчинённый Альморавидам. В 1118 году

в Тулузе собрался собор, который призвал к походу на Сарагосу, а папа Геласий II пообещал его участникам отпущение грехов. На помощь Альфонсо пришли рыцари из Южной Франции. Среди них был виконт Гастон Беарнский, ветеран Первого крестового похода, о котором рассказывалось в томе I: он участвовал в штурме Иерусалима и, по некоторым сведениям, руководил там постройкой осадных машин. Теперь он строил машины под Сарагосой. 18 декабря 1118 года город сдался. Опыт осадных работ, приобретённый на Востоке, оказался востребован и в Испании.

Арагонцы шли к Эбро постепенно, город за городом. Ещё в 1096 году отец Альфонсо, король Педро I, разбил мусульман у Алькораса и взял Уэску. С этой битвой связана легенда о том, что арагонцам помог явившийся в разгар сражения святой Георгий, а на поле битвы остались лежать головы четырёх мавританских вождей. Позже на гербе Арагона появился красный крест святого Георгия с четырьмя головами мавров в чёрных повязках. Этот герб и сегодня носит Сардиния, которая когда-то принадлежала арагонской короне, и, в немного изменённом виде, испанская провинция Арагон. Позднее происхождение легенды не умаляет её значения для исторической памяти Арагона.

Сарагоса стала столицей Арагона. Мусульманам, по условиям сдачи, разрешили остаться в городе или уйти; те, кто остался, должны были переселиться в пригороды. Подобные условия встречались и при последующих завоеваниях: на завоёванных землях христианские короли оставляли мусульманское население, которое платило налоги и сохраняло свою веру, мечети и суды. Таких мусульман, живших под властью христиан, называли мудехарами. Об их судьбе ещё пойдёт речь в третьей главе.

Альфонсо Воитель отличался энергией и упрямством. Он редко задерживался при дворе, много времени проводил в походах и, по словам одной хроники, даже спал в доспехах. В 1125–1126 годах он совершил дальний рейд через всю мусульманскую Испанию, дошёл до Гранады и Малаги, искупался, как гласит предание, в Средиземном море и вернулся в Арагон, уведя с собой несколько тысяч мосарабов, местных христиан, живших под властью мусульман. В ответ альморавидские власти, подозревая часть мосарабов в поддержке похода, переселили многих из них в Северную Африку. Древние христианские общины аль-Андалуса, существовавшие с вестготских времён, после этих событий значительно сократились.

Последний поход Альфонсо Воителя завершился поражением. В 1134 году он осадил город Фрагу, и там его войско было разбито. Король умер вскоре после поражения; обстоятельства его смерти передаются источниками по-разному. После его смерти возник спор вокруг завещания 1131 года. Бездетный король оставлял своё королевство трём наследникам: храму Гроба Господня в Иерусалиме, госпитальерам и тамплиерам. Историки по-разному объясняют это решение: искреннее благочестие человека, всю жизнь видевшего себя воином Христа, или хитрый ход, призванный помешать соседям, прежде всего Кастилии, захватить Арагон. Знать Арагона и Наварры завещание не признала. Наварра выбрала своего короля. Арагонцы извлекли из монастыря брата Альфонсо, монаха Рамиро, женили его и провозгласили королём. От этого брака родилась дочь Петронилла, которую ещё ребёнком обручили с графом Барселоны Рамоном Беренгером IV. Соглашение 1137 года заложило основу династического союза Арагона и Барселонского графства. Ордены же получили от графа Барселонского щедрые земли и крепости в обмен на отказ от прав на королевство. С этого времени тамплиеры и госпитальеры стали в Арагоне могущественной силой.

Каталонские правители участвовали и в морских походах. В 1113–1115 годах граф Барселоны Рамон Беренгер III вместе с пизанским флотом ходил на Балеарские острова, откуда мусульманские пираты нападали на берега Каталонии и Италии. Папа объявил этот поход священной войной, и участники получили отпущение грехов. Союзники взяли город Мальорку и освободили множество христианских пленников, но удержать остров не смогли. Пизанский

клирик описал поход в длинной латинской поэме, полной подражаний Вергилию. До настоящего завоевания Мальорки оставалось больше ста лет, и о нём рассказывает следующая глава.

С кратким правлением Рамиро Монаха связано одно из наиболее мрачных арагонских преданий. По позднейшей легенде, часть знати не считалась с королём, прежде жившим в монастыре. Рамиро, гласит предание, послал гонца к своему бывшему аббату с вопросом, как укротить непокорных. Аббат молча вывел гонца в сад и срезал ножом самые высокие кочаны капусты. Король понял намёк. Он созвал знать в Уэску, объявив, что хочет отлить колокол, звон которого будет слышен во всём королевстве. Когда вельможи один за другим входили в подземелье, им отрубали головы, и из этих голов король сложил круг, будто колокол, а голову самого строптивого подвесил посредине вместо языка. Эту историю рассказывают хроники XIII–XIV веков, и большинство историков считает её вымыслом, хотя, возможно, за ней стоит какая-то настоящая расправа. Подвал в Уэске, где будто бы всё это происходило, показывают и сегодня, а «Колокол Уэски» стал сюжетом знаменитой картины испанского художника XIX века Хосе Касадо дель Алисаля.

Пока продолжались войны в долине Эбро, на западе полуострова росло значение другого центра. В Галисии, на крайнем северо-западе полуострова, находилась гробница, которую почитали как могилу апостола Иакова, по-испански Сантьяго. С IX века сюда шли паломники, а к XII веку путь в Сантьяго-де-Компостела стал одним из трёх великих паломнических путей христианского мира, наравне с дорогами в Рим и Иерусалим. Около середины XII века был составлен так называемый Кодекс Каликста, сборник проповедей, чудес и литургических текстов в честь апостола, в который вошёл и знаменитый «Путеводитель паломника». Его автор, француз, подробно описывает дорогу, мосты, постоялые дворы, хорошую и плохую воду и, не стесняясь, ругает жителей Наварры, которые, по его словам, грабят паломников и говорят на варварском языке.

В средневековой Кастилии распространилось почитание апостола Иакова как покровителя воинов. Возникла легенда, будто в IX веке, в битве при Клавихо, он явился на белом коне и разил мусульман мечом. Историчность битвы при Клавихо вызывает серьёзные сомнения, а грамота, по которой все земли Испании должны были платить церкви Сантьяго дань в благодарность за помощь апостола, считается позднейшей подделкой. Но образ Сантьяго Матамороса, «убийцы мавров», надолго стал знаменем испанского воинства. Боевым кличем кастильцев стало «Сантьяго!».

Образ Сантьяго Матамороса пережил и Реконкисту. Испанские конкистадоры, отправившиеся в Америку, шли в бой с тем же кличем, и в хрониках завоевания Мексики и Перу не раз рассказывается, как апостол на белом коне являлся в разгар сражения с индейцами. Его статуи, где он топчет копытами коня поверженных мавров, стоят во многих церквях Испании и Латинской Америки. В новейшее время изображения Сантьяго Матамороса вызывают споры: одни предлагали убрать их или прикрыть, другие считали их частью истории, которую не надо прятать.

Архиепископ Компостелы Диего Хельмирес стремился укрепить влияние своей кафедры. Составленная при нём «История Компостеллана» передаёт речь, которую он, согласно хронисту, произнёс на соборе 1125 года. Хельмирес сравнивал испанских воинов с участниками похода в Иерусалим: победа над мусульманскими противниками, по его мысли, должна была открыть более короткий путь к Гробу Господню через Испанию. Подобное представление не было единичным. В XII–XIII веках сторонники экспансии на Пиренейском полуострове нередко связывали местные войны с общей идеей освобождения христианских святынь. Для них испанская кампания могла быть частью крестового движения, а не его заменой.

«История Компостеллана» свидетельствует и о напряжённых отношениях архиепископа с жителями собственного города. В 1117 году горожане Сантьяго, недовольные его властью и поборами, восстали. Они осадили Хельмиреса и королеву Урраку, укрывшихся в соборе,

подожгли колокольню, а когда королева вышла к ним, толпа сорвала с неё одежду и вываляла в грязи. Сам архиепископ бежал, переодевшись нищим, и спрятался в церкви, пока восстание не утихло. Потом мятежников наказали, а собор отстроили. Этот конфликт показывает, что церковная власть сталкивалась не только с внешними противниками, но и с сопротивлением собственных горожан.

Дорога в Сантьяго обрастала своими обычаями и святынями. Паломники нашивали на плащи и шляпы морские раковины-гребешки, которые продавали у собора, и эта раковина стала знаком паломничества на века. Вдоль пути строили мосты и странноприимные дома, и строители их сами становились святыми. Один из них, отшельник Доминго, в XI веке проложил через болота дорогу, построил мост и приют, и вокруг выросший городок назвали в его честь Санто-Доминго-де-ла-Кальсада, то есть «святой Доминго Дороги». С ним связано одно из наиболее известных паломнических преданий. Будто бы молодого паломника из Германии ложно обвинили в краже и повесили, но святой поддерживал его на виселице, и когда родители пришли сказать об этом судье, тот, сидя за обедом, ответил, что их сын так же жив, как жареные петух и курица на его блюде. В ту же минуту птицы ожили и закукарекали. С тех пор в соборе этого города, в нарядной клетке, держат живых петуха и курицу, и паломники верят, что услышать их крик к удаче.

В «Кодексе Каликста» есть и повествование, приписанное архиепископу Турпину, соратнику Карла Великого. В нём рассказывается о походах Карла в Испанию, где император будто бы освободил гробницу апостола от мавров. Здесь же описана и гибель Роланда в Ронсевальском ущелье, знакомая читателю тома I по «Песни о Роланде». Эта псевдохроника, как её называют историки, связала испанскую войну с легендарным прошлым франков и представила Карла Великого предшественником участников испанских крестовых походов.

Римская курия постепенно распространяла на войны в Испании духовные привилегии, связанные с походами в Святую землю. В 1123 году Первый Латеранский собор подтвердил особое значение борьбы на Пиренейском полуострове для тех, кто принимал крест. Папские обращения и решения соборов помогали привлекать воинов, но сама практика менялась от похода к походу. Историк Джозеф О'Каллаган в книге «Реконкиста и крестовый поход в средневековой Испании» (2003) проследил, как в XII–XIII веках складывалось сближение испанских войн с крестоносным движением. Для королей это имело и практический смысл: церковная поддержка облегчала сбор войска и средств.

В эти же годы в Арагоне появились первые братства воинов, похожие на будущие военные ордены. Около 1122 года Альфонсо Воитель основал братство в Бельчите, члены которого, по уставу, обязывались защищать христиан и воевать с маврами и получали за это отпущение грехов. Чуть позже возникла так называемая милиция Монреаля, созданная, по словам её грамоты, чтобы открыть путь в Иерусалим через земли мавров. Оба братства оказались недолговечными, но свидетельствуют о распространении военно-религиозных форм организации в Арагоне.

На западе полуострова тем временем утверждалась самостоятельность Португалии. При Афонсу Энрикеше бывшее графство, связанное вассальными отношениями с Леоном, стало королевством. Позднейшая легенда связывала провозглашение Афонсу королём с битвой при Оурике в 1139 году и чудесным явлением Христа накануне сражения. Историческое событие и возникшее вокруг него предание нельзя смешивать. В 1147 году Афонсу при поддержке крестоносцев из Северной Европы, направлявшихся на Восток, овладел Лиссабоном. Со временем город стал столицей Португалии.

Путь Афонсу к короне начался с войны против собственной матери. Его мать Тереза, побочная дочь Альфонсо VI, правила графством после смерти мужа и сблизилась с галисийским вельможей Фернаном Пересом де Травой, которому стала доверять больше, чем португальской знати. Недовольные бароны собрались вокруг юного Афонсу, и в 1128 году у замка

Сан-Мамеде, под Гимарайншем, он разбил войско матери и изгнал её из страны. Позднейшие португальские хронисты рассказывали, что Тереза прокляла сына, и что проклятие сбылось, когда через много лет король сломал ногу и попал в плен к королю Леона. В португальской исторической памяти битва при Сан-Мамеде занимает место одного из событий, положивших начало независимости страны.

Войны не прервали обмен знаниями между общинами полуострова. Соседство христиан, мусульман и евреев было неравноправным и порой конфликтным, но способствовало обмену знаниями и литературными традициями. Ещё до прихода Альморавидов в Толедо и других городах тайф жили выдающиеся еврейские поэты и учёные. Самым известным из них был Иехуда Галеви, врач и поэт, писавший на иврите и арабском. Он жил то в христианском Толедо, то в мусульманской Кордове и на себе испытал, как тяжело зависеть от двух враждующих миров. Его самые знаменитые стихи обращены к Сиону, к далёкому Иерусалиму, и одно из них начинается словами: «Сердце моё на Востоке, а сам я на краю Запада». Около 1140 года Галеви, уже немолодым человеком, покинул Испанию и отправился в Святую землю. Он доплыл до Египта, где провёл несколько месяцев, и умер в 1141 году, судя по всему, так и не увидев Иерусалима. Позднее родилась легенда, будто он дошёл до ворот города и, когда пал на колени, читая свою элегию о Сионе, был растоптан конём проезжавшего всадника. В эти же годы Иерусалим был в руках франков, и путь еврея туда не был лёгок. Для Иехуды Галеви, как и для многих людей разных вероисповеданий, Иерусалим оставался целью, ради которой стоило отправиться в далёкое путешествие.

Следы культурного взаимодействия заметны и в поэзии. Арабские и еврейские поэты аль-Андалуса сочиняли строфические песни, мувашшахи, которые заканчивались короткой концовкой, харджей. Эту концовку часто писали не на классическом арабском, а на разговорном языке, иногда на том романском наречии, на котором говорили христиане и многие мусульмане Андалусии. Обычно харджа звучит из уст девушки, тоскующей по возлюбленному: «Что мне делать, мама, мой милый уходит». Учёные обнаружили эти романские строки лишь в середине XX века, разобрав их в рукописях, написанных арабскими и еврейскими буквами. Некоторые из них сочинил сам Иехуда Галеви. Эти тексты относятся к ранним памятникам романской лирики Пиренейского полуострова и сохранились в арабской и еврейской письменной среде.

Один из примеров такого культурного посредничества связан с биографией Моше Сефарди. В 1106 году этот учёный из Уэски принял крещение и взял имя Педро Альфонсо, в честь своего крёстного, короля Альфонсо Воителя. Позже он побывал в Англии и, по-видимому, учил там астрономии. Он написал резкий спор с иудаизмом, который потом много веков читали христианские полемисты, а ещё сборник поучительных рассказов «Наука для клириков», куда вошли притчи и анекдоты, услышанные им у арабов. Сборник широко распространялся в средневековой Европе и повлиял на проповедническую и повествовательную литературу. Многие истории, которые потом пересказывали Боккаччо и другие писатели, впервые пришли в Европу через крещёного еврея из Арагона.

О повседневной жизни мусульманского города при Альморавидах свидетельствует сочинение Ибн Абдуна. Около 1100 года этот севильский законовед написал наставление для мухтасиба, чиновника, надзиравшего за рынками и нравами. Он объясняет, как проверять весы, чтобы пекари не обманывали покупателей, где должны сидеть мясники и как чистить улицы. Но немало в его книге и о христианах и евреях. Мусульманин, пишет Ибн Абдун, не должен служить им, чистить им обувь, ходить к христианскому лекарю. Христианские священники, по его словам, распутники, а женщин нельзя пускать в церкви. И самое неожиданное: нельзя продавать христианам и евреям научные книги, потому что они переводят их и выдают за сочинения своих епископов. Через несколько десятилетий толедские переводчики, о которых рассказывает следующая глава, подтвердили, что опасения севильца были не напрасны.

Альморавиды, пришедшие в Испанию как спасители правоверных, со временем столкнулись с внутренними противоречиями. Управлять обширной державой от западной Африки до долины Эбро становилось всё труднее. Местные андалусцы не любили суровых берберов, которые закрывали лица покрывалами, а альморавидские богословы казались им невеждами. В горах Марокко тем временем родилось новое движение. Его основатель Ибн Тумарт, богослов из берберского племени масмуда, учился, по преданию, на Востоке и вернулся с проповедью строгого единобожия. Его последователей называли аль-муваххидун, «единобожники», по-испански альмохады. Ибн Тумарт объявил себя махди, предсказанным вождём, и начал войну против Альморавидов, обвиняя их в том, что они приписывают Богу человеческие черты. После его смерти дело продолжил Абд аль-Мумин, сын гончара, оказавшийся одним из самых талантливых правителей средневекового Магриба. В 1147 году, в тот самый год, когда пал Лиссабон и когда крестоносцы Второго похода шли через Малую Азию, альмохады взяли Марракеш, столицу Альморавидов. Вскоре они переправились в Испанию.

Влияние Альморавидов проявилось и в денежном обращении. Их золотой динар, отличавшийся высокой пробой, ходил по всему Средиземноморью, и христиане называли его мараведи, от имени династии. Когда альморавидов не стало, кастильский король Альфонсо VIII в 1170-х годах начал чеканить собственную золотую монету по их образцу, с надписями арабскими буквами. На этих христианских монетах по-арабски было написано, что их чеканил «эмир католиков», а папа назван «имамом церкви Мессии». Монеты эти ходили и среди христиан, и среди мусульман, и их охотно принимали на рынках по обе стороны границы. Само слово «мараведи» потом много веков обозначало в Испании денежную единицу.

К середине XII века политическая карта полуострова приобрела очертания, во многом сохранявшиеся в последующие десятилетия. На севере лежали пять христианских государств: Португалия, Леон, Кастилия, Наварра и Арагонская корона. Южные земли аль-Андалуса постепенно переходили под власть Альмохадов. Между ними тянулась широкая полоса пограничья, «экстремадура», как называли её кастильцы, земля крепостей и набегов, где жили люди, привыкшие к войне. Именно в пограничных областях усилились военные ордены, владевшие крепостями и обширными землями.

Притязания на верховенство нашли выражение и в императорском титуле. В 1135 году в Леоне Альфонсо VII, внук Альфонсо VI, был торжественно коронован как император Испании, и ему присягнули король Наварры, граф Барселоны и даже несколько мусульманских правителей. Придворный автор описал его царствование в «Хронике Альфонсо Императора», где войны с маврами изображены как священное дело, а сам король как новый Карл Великий. Но империя эта держалась лишь на личном авторитете Альфонсо.

Пограничная крепость не превращала рубеж между христианскими и мусульманскими владениями в непроходимую преграду. Через заставы и переправы перегоняли скот, везли зерно, ткани, металл и ремесленные изделия. Купцы платили пошлины, получали охранные грамоты и договаривались о проезде с местными властями. Жители соседних селений продолжали спорить из-за пастбищ и водопоев, даже если их правители находились в состоянии войны. Набег мог на время прервать сообщение, но перемирие нередко возвращало торговцев на прежние дороги. Граница была одновременно линией военного противостояния и пространством повседневного обмена.

Завоевание города требовало от нового правителя не только военной победы, но и быстрого устройства управления. Следовало восстановить повреждённые стены, разместить гарнизон, определить порядок сбора податей и обеспечить работу суда. Королевские грамоты закрепляли за переселенцами дома и участки, устанавливали повинности и перечисляли обязанности по охране укреплений. Условия зависели от положения города: в опасном пограничье льготы могли быть особенно значительными, поскольку без притока новых жителей крепость и прилегающие земли оставались уязвимыми.

Смена власти не означала немедленного исчезновения прежнего населения. В городе продолжали работать ремесленники, торговцы и врачи, чьи навыки были нужны и новым хозяевам. Однако сохранение общины не означало равноправия. Мусульмане, иудеи и христиане подчинялись разным правовым нормам, а их положение определяли условия капитуляции, местные обычаи и последующие распоряжения короны. В периоды устойчивого мира власти могли быть заинтересованы в сохранении привычного порядка; во время мятежей и новых войн гарантии становились непрочными.

Для заселения земель между Тахо и Гвадианой короли использовали фуэрос — городские грамоты, в которых перечислялись права и обязанности жителей. Переселенцам предоставляли участки, снижали отдельные подати и в некоторых случаях разрешали выбирать местных судей. Горожанин, располагавший конём и оружием, мог нести службу в конном ополчении и пользоваться привилегиями, приближавшими его положение к положению мелкого дворянина. Такие люди участвовали в пограничных вылазках и защищали собственные поселения. Для короны фуэро было способом привлечь население туда, где безопасность зависела от готовности жителей самим держать оружие.

Перемирия на Пиренейском пограничье часто заключались не между всеми государствами сразу, а между соседними правителями или отдельными крепостями. Соглашение могло действовать на определённом участке дороги и лишь в течение оговорённого срока. В нём фиксировали порядок выплаты дани, размер торговых пошлин, условия проезда и выкупа пленников. Эти пункты имели непосредственное значение для жителей: от них зависело, смогут ли земледельцы выйти на поля за пределами стен, купцы — доставить товар на рынок, а семьи — вернуть попавших в плен родственников.

Оборона пограничья строилась на распределении обязанностей. Король передавал замки вассалам, городским общинам или военным орденам; от них требовали содержать гарнизон, поддерживать укрепления и обеспечивать связь с соседними пунктами. Такая система позволяла прикрывать обширные территории без постоянного присутствия монарха. Но её надёжность зависела от согласованности участников. Спор о правах на крепость, задержка жалованья или конфликт между командиром и местной общиной могли ослабить оборону ещё до появления неприятельского войска.

За пределами военной службы фуэрос определяли порядок наследования, торговли и судебных разбирательств. Но предоставленные переселенцам права не обязательно распространялись на прежних жителей завоёванного города. Положение мусульманских и еврейских общин зависело от условий капитуляции, королевских распоряжений и местных соглашений. Где-то им позволяли сохранить имущество и привычные обряды, где-то ограничивали владение землёй или вынуждали переселяться. Поэтому даже в пределах одного города люди могли жить по разным правовым правилам.

За стенами крепости начиналась другая, не менее важная часть обороны — поля, дороги и деревни. Гарнизону ежедневно требовались зерно, фураж, древесина и ремонтные материалы. Земельные пожалования и налоговые послабления нередко сопровождались обязанностью выставлять дозорных, содержать коней или доставлять припасы. Стоило крестьянам оставить пашни, а обозам перестать доходить до замка, как прочность стен утрачивала прежнее значение. Без хозяйства окрестных земель крепость не могла долго удерживать границу.

Условия сдачи города отражали расчёт обеих сторон. Осаждённые стремились сохранить жизнь, имущество и возможность покинуть город; осаждавшие хотели получить стены, склады и мастерские без разрушений, а также избежать затяжной осады. Договорённости могли предусматривать выплату выкупа, передачу заложников или переселение части жителей. Но даже подробно оговорённые условия не всегда соблюдались после вступления победителей в город. Хроника могла сообщить о капитуляции как о завершённом событии, тогда как судьба жителей зависела от решений, принятых уже после прекращения сопротивления.

Последствия завоевания проявлялись постепенно. Новые владельцы получали дома и участки по королевским пожалованиям, прежние собственники пытались подтвердить свои права, а городские власти заново распределяли обязанности и доходы. Часть мусульманского или иудейского населения оставалась на месте, часть переселялась в другие кварталы или покидала город. Проследить эти изменения позволяют не только повествовательные источники, но и земельные грамоты, налоговые перечни, судебные записи. По таким документам можно проследить, как военная победа превращалась — или не превращалась — в устойчивое управление.

Повествования о победах Альфонсо VI и Родриго Диаса создавались для разных читателей. Придворный автор стремился прославить государя, монастырский летописец искал в событиях проявление Божьей воли, а создатель героической поэмы — пример мужества и верности. Поэтому одно и то же завоевание могло выглядеть в источниках по-разному. Там, где хроника видела торжество победителя, договоры и документы о владениях обнаруживают длительные переговоры, выплаты дани и споры о сохранении прежних прав.

Биография Сида раскрывает сложность пограничной политики. Он служил правителю Сарагосы, воевал с графом Барселонским, то мирился, то ссорился с Альфонсо VI и в конце концов овладел Валенсией для себя. Союз определяли не только религия, но и личные обязательства, военная сила и выгода. Для жителей же смена властителя означала вполне осязаемые перемены: новые налоги и гарнизоны, пересмотр земельных прав, иногда — вынужденное переселение. За судьбой прославленного военачальника стояли судьбы людей, чьи имена почти не сохранились в песнях.

Глава 2. Монахи с мечами и колокола Сантьяго (1147–1266)

Второй крестовый поход, о котором подробно рассказывалось в томе II, обычно оценивают как неудачный прежде всего из-за провала похода на Дамаск. Однако папа Евгений III, объявляя поход, распространил его и на Испанию, но на Пиренейском полуострове результаты оказались иными. В 1147 году, кроме Лиссабона, пала Альмерия, крупнейший порт мусульманского юга, откуда пираты нападали на христианские берега. Её взял император Альфонсо VII Кастильский вместе с генуэзским флотом, каталонцами и рыцарями из Южной Франции. Через год граф Барселонский Рамон Беренгер IV с теми же генуэзцами и с частью крестоносцев, взявших Лиссабон, осадил и взял Тортосу в устье Эбро. Ещё через год пали Лерида и Фрага, где когда-то потерпел поражение Альфонсо Воитель. Граница Каталонии отодвинулась далеко на юг.

При осаде Альмерии войско Альфонсо VII наступало с суши, а корабли Генуи и Барселоны блокировали город с моря. Генуэзцы получили значительную долю добычи; позднейшая традиция связывала с этим походом и появление в Генуе знаменитой шестиугольной чаши из зелёного стекла — так называемого Sacro Catino. Однако происхождение реликвии нельзя считать установленным однозначно. Вильгельм Тирский связывал её появление в Генуе с захватом Кесарии в 1101 году, тогда как Родриго Хименес де Рада в XIII веке отнёс её к добыче Альмерии 1147 года. Сам сосуд долго принимали за изделие из цельного изумруда и связывали с Тайной вечерей; современные музейные описания определяют его как стеклянный предмет, а его точная датировка остаётся предметом обсуждения. Чаша хранится в сокровищнице собора Сан-Лоренцо. Взятие Альмерии воспел неизвестный клирик в латинской «Поэме об Альмерии». В ней, среди перечня героев, впервые в литературе встречается имя Сида: поэт называет его «мой Сид», тем самым именем, под которым его будет прославлять испанская поэма.

О взятии Лиссабона, лишь кратко упомянутом в томе II, сохранился подробный рассказ участника осады — англо-нормандского священника, известного по подписи буквой R. Его сочинение «О завоевании Лиссабона» передаёт не только ход военных действий, но и споры внутри крестоносного войска. Автор приводит обращение епископа Порту: тот убеждал воинов помочь португальскому королю, не продолжая немедленно путь к Иерусалиму. Однако согласия не было. Одни участники настаивали на отплытии, другие обсуждали условия участия в осаде и раздел будущей добычи.

Хронист подробно описал и переговоры с защитниками города. Архиепископ Браги предлагал им сдаться, утверждая, что Лиссабон прежде принадлежал христианам. В ответ один из городских старейшин, согласно переданному хронистом рассказу, возразил: прежние владельцы жили здесь в прошлом, а нынешние жители намерены защищать свой дом. Слова обеих сторон дошли до нас в изложении участника осады, поэтому воспринимать их как дословную запись речей нельзя. После долгой осады город капитулировал. Несмотря на условия сдачи, часть победителей участвовала в грабежах; был убит и престарелый мосарабский епископ Лиссабона. Первым латинским епископом города стал Гилберт из Гастингса, прибывший с крестоносцами.

Удержать удалось не всё. В 1157 году альмохады отбили Альмерию. Альфонсо VII умер в том же году, возвращаясь из похода на юг; позднее предание связывает его смерть с остановкой под деревом в горах Сьерра-Морены. Ещё при жизни король определил порядок наследования, и после его смерти Кастилия и Леон вновь оказались под властью разных государей. Их соперничество не раз мешало совместным действиям против мусульманских правителей. Альмохады тем временем укрепили власть над значительной частью мусульманской Испании.

Центром их державы оставался Марракеш, а важнейшей опорой на Пиренейском полуострове стала Севилья.

Политика Альмохадов в отношении христиан и евреев была значительно жёстче, чем при прежних правителях. Альморавиды, при всей их строгости, терпели христиан и евреев как покровительствуемых иноверцев, зимми, о которых говорилось в томе I. Альмохады, по крайней мере в первые десятилетия, требовали от них либо принять ислам, либо покинуть страну. Многие еврейские семьи бежали на христианский север, в Толедо и Барселону, другие в Египет. Среди беглецов была семья кордовского мальчика Моисея бен Маймона, того самого Маймонида, который потом, как рассказывалось в томе II, лечил кади аль-Фадиля в Каире. Ребёнком он пережил взятие Кордовы альмохадами в 1148 году, и его семья годами скиталась по Испании и Марокко, по-видимому, внешне соблюдая ислам, прежде чем найти приют в Египте.

Научная и философская жизнь аль-Андалуса продолжалась и при альмохадах. Кордовский философ и судья Ибн Рушд, известный в Европе как Аверроэс, создавал при дворе комментарии к сочинениям Аристотеля. По рассказу одного современника, султан Абу Якуб Юсуф, интересовавшийся философией, лично попросил его разъяснить труды древнегреческого мыслителя. В последние годы жизни Ибн Рушд впал в немилость, некоторое время провёл в ссылке, а его книги подверглись преследованию. Позднее он был прощён и умер в Марракеше в 1198 году. Латинские переводы его сочинений получили широкое распространение в европейских университетах, а Данте поместил Аверроэса в лимб — рядом с античными философами.

Ибн Рушда привёл ко двору другой философ и врач, Ибн Туфайль, служивший халифу Абу Якубу. Он прославился необычной книгой, философской повестью «Хайй ибн Якзан», то есть «Живой, сын Бодрствующего». Её герой появляется на свет на необитаемом острове, его вскармливает газель, и, живя в полном одиночестве, он постепенно, одним только разумом, постигает устройство природы, существование Творца и путь к единению с Ним. Когда же он встречает людей, оказывается, что их религия, данная в притчах и обрядах, учит тому же, что он открыл сам, но большинство людей неспособно понять истину без этих притч. В XVII веке книгу перевели на латынь под названием «Философ-самоучка», её читали европейские мыслители, и некоторые исследователи считают, что она повлияла и на «Робинзона Крузо».

Одновременно с развитием учёности продолжались пограничные войны. В этих условиях возникли испанские военно-монашеские ордены. Один из первых таких орденов возник вокруг обороны Калатравы. Король Кастилии в 1147 году отдал тамплиерам крепость Калатрава на реке Гвадиана, ключ к дороге из Андалусии на Толедо. Через десять лет, когда пошли слухи о большом наступлении альмохадов, тамплиеры, по рассказу кастильской хроники, сочли, что удержать крепость не в силах, и вернули её королю. Никто из знатных рыцарей не решался взять оборону на себя. Тогда к королю пришли два цистерцианских монаха, аббат Раймунд из монастыря Фитеро и брат Диего Веласкес, в прошлом рыцарь. Они вызвались защищать Калатраву. Аббат собрал в Толедо добровольцев, обещая отпущение грехов, и в 1158 году крепость перешла к ним. Наступление мусульман тогда так и не состоялось, но на основе отряда защитников вырос орден Калатравы, первый испанский военный орден. В 1164 году его устав утвердил папа.

Вслед за Калатравой возникли и другие военные братства. Около 1170 года в Касересе группа рыцарей основала братство, которое вскоре стало орденом Сантьяго, под покровительством апостола Иакова. В отличие от тамплиеров и госпитальеров, его рыцари могли жениться, и, по уставу, жёны и дети жили при ордене. Чуть позже возник орден Алькантары, а в Португалии орден Ависа. Испанские ордены постепенно приобрели обширные владения и политическое влияние, получали от королей огромные земли на юге и превратились в одну из главных сил кастильского и португальского общества. Тамплиеры и госпитальеры тоже владели на

полуострове многими замками, но местные ордены были ближе к королям и теснее связаны с испанской знатью. Магистры Калатравы и Сантьяго в позднем Средневековье распоряжались землями, сравнимыми с владениями крупнейших грандов, и короли в конце концов добились контроля над руководством орденов: в 1490-х годах Фердинанд Арагонский стал магистром всех трёх кастильских орденов.

Кастилия в эти годы набирала силу, но первое большое столкновение с альмохадами завершилось тяжёлым поражением. Молодой король Альфонсо VIII, не дождавшись подхода союзников из Леона и Наварры, 19 июля 1195 года принял бой у крепости Аларкос, недалеко от Калатравы. Против него стоял сам альмохадский халиф Абу Юсуф Якуб, которого называли аль-Мансуром, «Победоносным». Кастильское войско было разгромлено. Калатрава снова перешла к мусульманам, и рыцари одноимённого ордена были вынуждены перебраться в другую крепость. Свои победы аль-Мансур увековечил в камне. В Рабате он начал строить огромную мечеть с минаретом, который должен был стать одним из самых высоких в мире ислама, но после его смерти в 1199 году стройку бросили, и недостроенная башня Хасана посреди леса обломанных колонн сохранилась до наших дней. При нём же был закончен и минарет главной мечети Севильи, о судьбе которого речь пойдёт ниже.

Ответом на Аларкос, как рассказывалось в томе III, стала битва при Лас-Навас-де-Толосе в 1212 году. Особого внимания заслуживают свидетельства участников и последующая память об этой битве. В походе участвовал архиепископ Толедо Родриго Хименес де Рада, который позже напишет «Историю Испании», одну из главных хроник своего века, и оставит рассказ о битве как её очевидец. Был там и Арно Амори, папский легат и вождь крестового похода против альбигойцев, о котором пойдёт речь в девятой главе. Сам король Альфонсо VIII отправил папе Иннокентию III письмо о победе, в котором, по обычаю победителей, преуменьшал свои потери до неправдоподобия: по его словам, христиан погибло не больше двадцати пяти или тридцати человек. Число мусульманских потерь он называет огромным. В кастильской традиции хранится знамя, которое считается трофеем битвы, хотя историки сомневаются, что оно взято именно при Лас-Навас.

После Лас-Навас держава альмохадов не рухнула сразу, но постепенно утратила единство. В 1224 году умер молодой халиф Юсуф II, по рассказам, от удара рогами любимой коровы, и в Марокко началась борьба за власть. Правители андалусских городов один за другим отказывались повиноваться Марракешу. Этим воспользовались два христианских короля, которые за тридцать лет существенно расширили владения христианских королевств.

Распад альмохадской державы менял и характер отношений с христианскими государствами. Халиф аль-Мамун, боровшийся с соперниками за престол, в 1229 году нанял на службу кастильских рыцарей, привёл их в Марракеш и, чтобы расплатиться с ними, разрешил им построить в столице альмохадов христианскую церковь с колоколами. Кроме того, он публично отрёкся от учения основателя династии Ибн Тумарта, объявив, что никакого махди не было. Наследники тех, кто когда-то запрещал христианам и евреям открыто исповедовать свою веру, теперь держали при себе христианскую гвардию. Кастильские и арагонские наёмники ещё долго служили марокканским султанам, а в Марракеше и Фесе десятилетиями существовали их церкви.

Первого звали Хайме I Арагонский. Его детство прошло в условиях династических конфликтов. Он был сыном короля Педро II, который погиб в 1213 году в битве при Мюре, сражаясь на стороне южнофранцузских графов против крестоносцев Симона де Монфора; об этом рассказывает девятая глава. Пятилетний Хайме в это время был в руках Симона, которому его отдали на воспитание по условиям прежнего союза. Только по требованию папы мальчика вернули арагонцам. Он вырос среди мятежной знати и рано освоил военное дело и придворную политику. Хайме прожил долгую жизнь, правил шестьдесят три года и, что особенно ценно для нас, оставил рассказ о своих делах. «Книга деяний», написанная от первого лица на ката-

ланском языке, считается первой автобиографией средневекового короля. В ней много бытовых подробностей, диалогов и личных оценок; порой рассказчик преувеличивает собственные заслуги. Король рассказывает, как плакал, как злился на своих баронов, как шутил с рыцарями. Английский перевод этой книги вышел в 2003 году.

Завоевания Хайме начались с Мальорки. По его рассказу, в конце 1228 года на пиру в Таррагоне богатый купец Пере Мартель, бывавший на острове, описал его богатства и рассказал, что мусульманские пираты Мальорки грабят каталонские корабли. Бароны загорелись. Решено было идти походом, и церковь объявила его крестовым. В сентябре 1229 года флот вышел из Салоу. Переход едва не кончился катастрофой: поднялась буря, и, как пишет король, все на кораблях стали молиться, а он сам дал обет Богоматери. Войско высадилось, разбило мусульман и осадило город Мадину Майурку, нынешнюю Пальму. 31 декабря 1229 года город был взят штурмом. Хайме, по его собственным словам, приказал войску не убивать без нужды, но резня всё же была, а затем добычу делили так долго и с такими ссорами, что в лагере вспыхнула эпидемия. Остров был разделён между участниками похода, а его мусульманское население, которое не успело бежать, по большей части обращено в рабство.

О падении Мальорки рассказывает и мусульманский автор Ибн Амира аль-Махзуми: он описывает катастрофу как Божье наказание за раздоры и слабость мусульманских правителей. После завоевания многие жители погибли или были проданы в рабство, а на остров переселились выходцы из Каталонии. В одной из знатных каталонских семей, обосновавшихся в городе, около 1232 года родился Рамон Луллий. Он вырос среди мусульман и евреев, оставшихся на острове, и позднее посвятил жизнь религиозной полемике и миссионерским замыслам. В биографии этого человека отразились переселение, культурный обмен и перемены в религиозном составе населения завоёванной Мальорки.

Вслед за Мальоркой пришла очередь Валенсии, той самой, что когда-то удерживал Сид. Завоевание шло несколько лет. Хайме брал крепость за крепостью, используя раздоры мусульманских правителей, и в 1238 году осадил столицу. Валенсией правил тогда эмир Зайян. Осада длилась несколько месяцев, и 28 сентября 1238 года город сдался на условиях: жителям, которые хотели уйти, разрешили уйти с имуществом. По словам Хайме, из города вышло около пятидесяти тысяч человек. Через несколько дней король въехал в Валенсию, а над главной башней подняли его знамя. Королевство Валенсия стало частью Арагонской короны.

Память о вступлении Хайме I в Валенсию сохранилась в городских церемониях. Девятого октября, в годовщину события 1238 года, здесь отмечают праздник Валенсийского сообщества. Во время торжественного шествия несут историческое королевское знамя; согласно обычаю, его не склоняют, а из здания ратуши спускают через окно. Праздник соединяет воспоминание о средневековом завоевании с более поздними городскими традициями, в том числе дарением марципановых фигурок.

Пока Хайме стоял под Валенсией, город звал на помощь единоверцев. Секретарь эмира Зайяна, поэт Ибн аль-Аббар, отправился в Тунис, ко двору правителя Ифрикии Абу Закарии из династии Хафсидов, и прочёл перед ним длинную касыду, которая начиналась словами: «Помоги своими конями, конями Бога, Андалусу, ибо путь к его спасению стёрся». В стихах он перечислял гибнущие города, плакал о мечетях, превращённых в церкви, и о детях, которых уводят в плен. Касыда так подействовала на слушателей, что Абу Закария снарядил флот с оружием и припасами. Но корабли, подойдя к Валенсии, не смогли прорвать блокаду и ушли обратно. Сам Ибн аль-Аббар остался в Тунисе, служил Хафсидам, писал книги по истории и биографии андалусских учёных, а в 1260 году был казнён по приказу нового султана, заподозрившего его в заговоре. Его касыда стала в арабской литературе одним из самых известных плачей по аль-Андалусу.

После завоевания Хайме велел составить большую книгу, где записали, кто из рыцарей, горожан и духовных лиц получил какие дома, сады и земли в Валенсии и окрестностях. Эта

«Книга раздела» сохранилась, и по ней видно, как город переходил в руки новых хозяев. Но в деревнях королевства Валенсия мусульмане ещё долго оставались большинством. Они жили по своим законам, молились в своих мечетях, платили подати новым господам и обрабатывали их земли. Хайме, по-видимому, понимал, что без мусульманских крестьян королевство обезлюдеет. Мудехары, как называли мусульман, живших под властью христиан, составляли значительную часть населения Валенсии ещё в XVI веке, и именно отсюда в начале XVII века изгнали их потомков, морисков, о чём пойдёт речь в следующей главе.

Мирным это соседство не было. В горах к югу от Валенсии десятилетиями держался мусульманский вождь Мухаммад ибн Худайль, которого христиане прозвали аль-Азраком, «синеглазым». Сначала он признал власть Хайме и получил от него несколько замков, затем, в 1240-х годах, поднял восстание, сдался, снова восстал. Король изгнал его, но в 1276 году аль-Азрак вернулся из Гранады с отрядом и осадил городок Алькой. Под его стенами он и погиб. По местному преданию, защитникам Алькоя помог явившийся на стенах святой Георгий. В память об этом в Алькое до сих пор каждую весну устраивают праздник «Мавры и христиане», на котором горожане в пышных костюмах разыгрывают битву двух войск. Такие праздники распространились потом по всей Испании и даже в Латинской Америке. Сам Хайме, уставший от восстаний, в 1270-х годах, по-видимому, подумывал изгнать мусульман из королевства, но так и не решился: без них земля опустела бы.

На западном направлении наступление возглавил Фернандо III Кастильский. Его успехи не сводились к сражениям: прежде чем осаждать укреплённые города, король заключал соглашения с одними мусульманскими правителями против других и добивался выплаты дани. Такие союзы давали войску время для подготовки, а короне — средства для новых походов. По мере ослабления местных владений переговоры всё чаще сменялись осадами и передачей городов под власть Кастилии.

Восхождение Фернандо III к власти во многом определила его мать Беренгела, дочь Альфонсо VIII. После смерти младшего брата в 1217 году она унаследовала кастильский престол, но передала его сыну. В 1230 году умер отец Фернандо, король Леона, завещавший владения дочерям от другого брака. Беренгела участвовала в переговорах, благодаря которым Фернандо получил и леонскую корону. Объединение двух королевств расширило его военные и финансовые возможности, хотя само по себе ещё не устранило противоречий между их знатью и городами.

В январе 1236 года небольшой отряд кастильских пограничников ночью взобрался на стены Кордовы и захватил одну из её башен. Они послали за королём. Фернандо поспешил на юг с теми, кого успел собрать, и осадил город. 29 июня 1236 года, в день святых Петра и Павла, Кордова сдалась. Бывшая столица халифата, в X веке крупнейший город Западной Европы, стала христианской. Над Великой мечетью, гордостью Омейядов, поставили крест, и её освятили как собор. Христианские летописцы особо выделяли один символический эпизод. За двести с лишним лет до того, в 997 году, знаменитый правитель Кордовы аль-Мансур разграбил Сантьяго-де-Компостелу и приказал христианским пленникам принести колокола храма апостола в Кордову, где их, перевернув, использовали как светильники в мечети. Теперь Фернандо, по рассказу Родриго Хименеса де Рады, приказал мусульманским пленникам отнести колокола обратно в Сантьяго на своих плечах. История эта, вероятно, отчасти легенда, но она была очень нужна победителям, и её повторяли веками.

Великая мечеть Кордовы стоит до сих пор. В XVI веке посреди неё, прямо в лесу колонн и подковообразных арок, построили высокий готический и ренессансный хор. Предание приписывает императору Карлу V слова, сказанные, когда он увидел перестройку: вы построили то, что можно увидеть где угодно, и разрушили то, чего не было нигде в мире. Подлинность высказывания не установлена. Само здание сохранило архитектурные черты как омейядской, так и христианской эпохи.

Падение Кордовы потрясло мусульманский мир. Город, где когда-то правили халифы, где жили Ибн Хазм и Ибн Рушд, стал кастильским, а его мусульманские жители почти все ушли. Многие учёные и ремесленники перебрались в Гранаду, другие в Северную Африку. Арабские историки, писавшие через несколько веков, перечисляли потерянные города аль-Андалуса, как перечисляют умерших родных, и Кордова всегда стояла в этом списке первой. В XVII веке алжирский историк аль-Маккари, сам потомок андалусских изгнанников, собрал в огромную книгу всё, что мог найти о былом величии аль-Андалуса, и эта книга до сих пор остаётся одним из главных источников по его истории.

После Кордовы Фернандо подчинил себе Хаэн. Здесь он столкнулся с человеком, которому суждено было основать последнее мусульманское государство Испании. Мухаммад ибн аль-Ахмар, вождь из городка Архона, в 1232 году провозгласил себя султаном и вскоре сделал своей столицей Гранаду. В 1246 году, когда Фернандо осаждал Хаэн, ибн аль-Ахмар пришёл к нему в лагерь, сдал город, признал себя вассалом Кастилии и согласился платить дань. Так родился Насридский эмират Гранада, который проживёт ещё почти два с половиной века. По условиям договора ибн аль-Ахмар должен был помогать сюзерену войском, и через два года его воины действительно участвовали в осаде Севильи, крупнейшего города мусульманской Испании.

Осада Севильи длилась больше года. Город стоял на Гвадалквивире, и через реку к предместью Триана был наведён мост на лодках, скреплённых цепями, по которому в город шло продовольствие. Кастильский флот под командой бургосского купца и моряка Рамона Бонифаса поднялся по реке. 3 мая 1248 года два корабля под всеми парусами, с попутным ветром и приливом, ударили в мост и разорвали его. Город был отрезан. 23 ноября 1248 года Севилья сдалась. По условиям сдачи мусульмане должны были покинуть город, и, по словам кастильских хроник, его покинули многие десятки тысяч человек, уходя в Гранаду и в Африку. Числа здесь, как обычно, ненадёжны, но ясно, что Севилья почти полностью сменила население. Её заселили выходцы с севера, которым раздали дома и земли.

На берегу Гвадалквивира до сих пор стоит Золотая башня — двенадцатигранное укрепление, возведённое альмохадами в XIII веке. Она входила в систему обороны речных подступов к Севилье. С башней связывают рассказы о цепи, перекрывавшей движение судов; подробности её устройства и расположения в разных описаниях расходятся. Во время осады 1248 года решающим ударом по снабжению города стал прорыв кастильских кораблей к понтонному мосту, соединявшему Севилью с Трианой. Башня пережила смену власти, перестройки и землетрясения. Впоследствии её использовали для разных нужд; ныне в ней размещается военно-морская экспозиция. Построенная для защиты альмохадского города, она стала одним из наиболее узнаваемых памятников христианской Севильи.

Севилья досталась победителям вместе с одним из самых красивых зданий мусульманской Испании. Большая мечеть города, построенная альмохадами в конце XII века, стала собором. Её высокий минарет, возведённый в 1180-х годах по образцу минаретов Марракеша и Рабата, превратили в колокольню. Позднее, в XVI веке, на него надстроили ярус с колоколами и увенчали бронзовой фигурой Веры, вращавшейся по ветру, отчего башню и назвали Хиральдой, флюгером. Сегодня Хиральда стала символом Севильи, и мало кто из туристов задумывается, что её нижняя часть была минаретом, с которого призывали к молитве.

После завоеваний мусульманские ремесленники продолжали работать в христианских королевствах, а местные строительные традиции влияли на искусство новых заказчиков. Так сложилось многообразие форм, которое историки искусства обозначают словом «мудехар». Для него характерны кирпичные узоры, глазурованная керамика, резные деревянные перекрытия и сложный геометрический орнамент, хотя набор приёмов различался от области к области. В Теруэле в XIII–XIV веках появились колокольни, напоминающие по силуэту минареты; в Толедо и Севилье сходные художественные решения встречались в церквях, синагогах и двор-

цах. Кастильский король Педро I в XIV веке перестраивал севильский Алькасар с участием мастеров разных областей полуострова. На стенах дворца соседствуют арабские надписи и прославление самого короля. Войны и религиозные разграничения не уничтожили художественных связей между общинами: архитектура сохраняла их следы даже там, где политическая власть уже сменилась.

Фернандо III умер в Севилье в 1252 году; в 1671 году католическая церковь причислила его к лику святых. Надпись на его гробнице была выполнена на четырёх языках — латинском, кастильском, арабском и еврейском. Такое решение позволяло обратиться к разным образованным кругам королевства и подчёркивало притязание монарха на власть над многоязычным населением. Но оно не отменяло последствий завоевания: многие мусульманские жители Кордовы и Севильи были вынуждены покинуть свои дома. Соседство четырёх языков на королевском памятнике напоминает, насколько тесно в истории полуострова переплетались культурный обмен, политическое господство и насилие.

Португальцы не раз пользовались помощью крестоносцев, плывших на Восток вокруг Пиренейского полуострова. Летом 1189 года, в начале Третьего крестового похода, в Лиссабон пришёл флот с датскими, фризскими и немецкими крестоносцами. Король Санчу I уговорил их задержаться и вместе с ним осадить Силвиш, богатый город на юге, в области Алгарве. Один из участников похода, клирик из Северной Европы, оставил рассказ об этом плавании. Он описал подкопы под стены, мучительную нехватку воды у осаждённых и споры победителей о добыче после капитуляции. Обещания, данные горожанам при сдаче, соблюдались не всегда. Удержать Силвиш не удалось: в 1191 году альмохады вернули его. Для участников морского похода к Святой земле война на Пиренейском полуострове оказалась не случайным отклонением от маршрута, а ещё одним полем крестового движения.

В середине XIII века завершилось португальское продвижение на юг. В 1217 году, как рассказывалось в томе III, фризские и немецкие крестоносцы, плывшие в Святую землю, помогли португальцам взять крепость Алкасер-ду-Сал. В 1249 году король Афонсу III взял Фару, последний мусульманский город Алгарве. Португалия приобрела те границы, которые сохраняет почти без изменений до сих пор. Позднее португальские военные экспедиции против мусульманских государств переместились за море, в Северную Африку, о чём ещё будет сказано в следующей главе.

История полуострова не исчерпывалась военными столкновениями. В XII веке Пиренейский полуостров стал одним из важнейших путей передачи греческих и арабоязычных научных трудов в латинскую Европу. Об этом коротко говорилось в томе I. В Толедо, взятом в 1085 году, сохранились библиотеки, учёные мосарабы и евреи, знавшие арабский. Сюда стекались любознательные люди из Англии, Италии, Германии. Самым неутомимым из переводчиков был итальянец Герардо Кремонский, который приехал в Толедо, по словам учеников, ради «Альмагеста» Птолемея, не найдя его в латинских библиотеках, и остался там до конца жизни. Ученики насчитали после его смерти в 1187 году более семидесяти переведённых им книг: астрономия, геометрия, медицина, философия, в том числе «Канон врачебной науки» Ибн Сины. В ряде случаев перевод выполняли совместно: знаток арабского передавал содержание на местном романском языке, а учёный-латинист составлял латинский текст.

Испанская граница породила и одного из величайших мистиков ислама. Мухйи ад-Дин Ибн Араби, которого не следует путать с севильским правоведом Абу Бакром Ибн аль-Араби, о путешествии которого в Иерусалим рассказывалось в томе I, родился в 1165 году в Мурсии и вырос в Севилье при альмохадах. В юности он встречался с Ибн Рушдом, и сохранился его рассказ об этой встрече, где старый философ и юный мистик говорят друг с другом почти загадками. Около 1200 года Ибн Араби покинул Испанию и больше никогда туда не вернулся. Он жил в Мекке, Конье, Дамаске, где умер в 1240 году. Его книги, полные смелых и трудных мыслей о единстве бытия, читали и спорили о них по всему исламскому миру, от Марокко

до Индии. Так человек, выросший в стране, где шла Реконкиста, стал учителем мистиков на другом конце мусульманского мира.

С переводами связан и один из самых необычных эпизодов в истории отношений христиан и мусульман. В 1142 году в Испанию приехал аббат Клюни Пётр Достопочтенный, глава самого могущественного монастыря Европы. Он заказал группе переводчиков, в том числе англичанину Роберту Кеттонскому, первый полный латинский перевод Корана. Перевод был закончен в 1143 году. Сам Пётр написал трактат против ислама, в котором есть примечательные слова: он обращается к мусульманам не с оружием, как многие, а со словом, не силой, а разумом, не с ненавистью, а с любовью. Его трактат, разумеется, полемичен и далёк от понимания ислама, но сам призыв спорить, а не воевать, звучит неожиданно на фоне эпохи крестовых походов. Перевод Роберта Кеттонского, неточный и местами тенденциозный, оставался главным латинским текстом Корана до XVII века.

Сын Фернандо III, Альфонсо X, вступивший на престол в 1252 году, вошёл в историю под прозвищем Мудрый. При его дворе переводили и составляли труды по астрономии, праву и истории; здесь появилась и «Книга игр», посвящённая шахматам, костям и настольным играм. На её миниатюрах за игрой встречаются люди в христианской, мусульманской и еврейской одежде. Однако культурное соседство не означало равенства перед законом. «Семь партид», правовой свод, созданный при Альфонсо, предусматривал для религиозных меньшинств ограничения, касавшиеся богослужения, общественного положения и отношений с христианами. Между изображённым на миниатюрах миром и предписаниями закона существовало заметное расстояние.

Одним из наиболее известных научных проектов двора Альфонсо стали астрономические таблицы. В работе над ними участвовали толедские учёные, в том числе Исаак ибн Сид и Иехуда бен Моше, опиравшиеся на предшествующие астрономические труды и расчёты. Таблицы помогали определять положения небесных светил для заданных дат. В латинских версиях они получили широкое распространение и использовались европейскими астрономами ещё в эпоху Возрождения. Альфонсо приписывают дерзкую шутку: будто бы, изучив устройство небес по Птолемею, король заметил, что при сотворении мира мог бы дать несколько советов. Достоверность этих слов сомнительна. Имя Альфонсо действительно носит один из лунных кратеров.

Альфонсо X покровительствовал поэтам и сам сочинял стихи. С его именем связан сборник из четырёхсот с лишним песен в честь Девы Марии — «Кантиги о Святой Марии». Песни на галисийско-португальском языке сохранились в рукописях с нотами и миниатюрами. Создание столь обширного собрания было делом придворного круга, поэтому приписывать королю каждую песню было бы неверно. Многие кантиги повествуют о чудесах; среди их персонажей встречаются и мусульмане. В одних историях мусульманский правитель почитает образ Богоматери, в других Дева Мария защищает христианский город или чудо приводит человека к крещению. Изображённые в рукописях одежды, оружие, шатры и корабли дают историкам богатый материал о жизни XIII века, хотя миниатюры нельзя принимать за буквальный отчёт о каждом событии.

На миниатюрах к этим песням изображены и столкновения христиан с мусульманами, и музыканты разных традиций, играющие рядом. При дворе Альфонсо X действительно встречались исполнители различного происхождения. Такие контакты способствовали обмену музыкальными приёмами и инструментами. Один из примеров — лютня: её название восходит к арабскому «аль-уд», хотя пути распространения самого инструмента в Европе были сложнее и не ограничивались одним королевским двором.

Но религиозные споры не всегда оставались мирными. В 1263 году в Барселоне, по воле короля Хайме I, состоялся публичный диспут между принявшим христианство доминиканцем Пабло Кристиани и известным раввином Моше бен Нахманом, Нахманидом. Доминиканцы

хотели доказать по Талмуду, что Мессия уже пришёл. Король обещал раввину свободу слова, и Нахманид говорил смело, а потом записал ход диспута. За эту запись, по требованию доминиканцев, его обвинили в оскорблении христианства, и ему пришлось покинуть Испанию. Как рассказывалось в томе III, он уехал в Святую землю, где и окончил свои дни. Барселонский диспут стал началом долгой череды подобных споров, которые с каждым веком становились всё менее свободными для еврейской стороны.

Барселонский диспут был связан с более широкой деятельностью доминиканцев. Раймунд де Пеньяфорт, знаток церковного права и бывший глава ордена, поддерживал изучение арабского языка и еврейской письменной традиции для религиозной полемики. При доминиканских школах готовили проповедников, способных читать тексты своих оппонентов. Каталонец Рамон Марти составил арабско-латинский словарь, а в 1278 году завершил трактат «Кинжал веры», в котором обращался к Талмуду и раввинским сочинениям. Для христианских полемистов его труд стал важным пособием; для еврейских общин подобная учёность означала и усиление давления. Спор о вере требовал знания языков, но далеко не всегда предполагал равноправие участников.

Альфонсо X вынашивал планы похода через море, в Северную Африку. В 1260 году его флот атаковал марокканский порт Сале, разграбил город и захватил множество пленников, но закрепиться там не смог. Четыре года спустя восстали мудехары Андалусии и Мурсии, недовольные установленными после завоевания порядками. Гранадский эмир оказал им поддержку, однако восстание было подавлено при участии Хайме Арагонского.

Мурсию, где вспыхнуло восстание, в 1266 году взял для своего зятя Хайме I Арагонский. Он, по его собственному рассказу, долго уговаривал горожан сдаться, обещая сохранить им мечети и законы, но затем превратил главную мечеть в церковь, а мусульман выселил в предместье. Альфонсо X, получив город, попытался привлечь местных учёных на свою сторону. В Мурсии жил знаменитый математик и философ ар-Рикути, и король, по рассказу арабского историка, построил для него школу, где тот учил мусульман, христиан и евреев, каждого на его языке. Альфонсо даже пытался обратить его в христианство, но ар-Рикути отказался и вскоре уехал в Гранаду, где продолжал преподавать при дворе Насридов.

После подавления восстания 1264–1266 годов положение мусульманских общин в завоёванных областях стало ещё тяжелее. В ряде городов последовали выселения и переселения; земли передавали новым христианским поселенцам. При этом судьба мудехаров различалась от области к области: мусульманское население не исчезло из кастильских владений сразу. Период наиболее крупных территориальных завоеваний на полуострове подходил к концу. На юге сохранялся Гранадский эмират, противостояние с которым продолжалось более двух столетий.

Глава 3. Последний эмират (1262–1615)

Около 1267 года поэт из городка Ронда в горах Андалусии, Абу-ль-Бака ар-Рунди, написал элегию на гибель аль-Андалуса. Её и сегодня читают и цитируют в арабских школах. Поэма начинается с мысли, которая звучит почти как философская максима: всё, что достигло полноты, начинает убывать, и пусть никто не обольщается сладостью жизни. А затем поэт перечисляет потерянные города, словно читает надгробный список. Где Валенсия, спрашивает он, где Мурсия, где Шатива, где Хаэн? Где Кордова, обитель наук, где Севилья с её весельем и рекой, полной сладкой воды? Он плачет о мечетях, ставших церквями, где теперь звонят колокола и стоят кресты, о михрабах, которые плачут, хотя сделаны из камня, о минбарах, которые скорбят, хотя сделаны из дерева. И обращается к мусульманам за морем, к всадникам Магриба, с вопросом, почему они не идут на помощь.

В стихах ар-Рунди звучит скорбь о потерянных городах, редко отражённая в христианских хрониках. Однако мусульманское присутствие на полуострове сохранялось. На гористом юго-востоке полуострова держалось Гранадское королевство Насридов, основанное, как говорилось в предыдущей главе, Мухаммадом ибн аль-Ахмаром. Оно было невелико: от Гибралтара до Альмерии, полоса гор и плодородных долин вдоль Средиземного моря, занимавшая сравнительно небольшую территорию. Население при этом росло за счёт переселенцев из областей, перешедших под власть христианских государей. Гранада стала последним убежищем аль-Андалуса.

Сохранению власти Насридов способствовали горный рельеф, затруднявший крупные вторжения, и гибкая дипломатия: эмиры то признавали себя вассалами Кастилии и платили ей дань, то звали на помощь мусульман из Северной Африки, то играли на распрях между христианскими королями и мятежной кастильской знатью. Кроме того, внутренние конфликты Кастилии и войны с соседями надолго отвлекали её правителей от решительного наступления на Гранаду.

Основатель династии, Мухаммад ибн аль-Ахмар, начинал как один из многих местных правителей, деливших наследство альмохадов. В 1246 году, чтобы спасти своё государство, он признал себя вассалом Фернандо III, отдал ему город Хаэн и обязался платить дань и являться на королевский совет. Через два года, во время осады Севильи, отряд гранадского эмира участвовал в действиях кастильского войска: Мухаммад исполнял обязательства вассала. Мусульманские историки рассказывают, что, когда Мухаммад вернулся в Гранаду и горожане приветствовали его как победителя, он ответил словами, ставшими потом девизом всей династии: «Нет победителя, кроме Бога». Независимо от достоверности предания, оно отражает противоречивое положение эмира: основатель последнего мусульманского государства Испании начинал с того, что помогал христианам брать мусульманские города.

Гранадский эмират был небольшим, но густонаселённым и богатым. Сюда бежали мусульмане из завоёванных областей, и в его долинах и горах жили сотни тысяч человек. Здесь выращивали шёлк, сахарный тростник, миндаль, инжир и виноград, и всё это вывозили через Малагу и Альмерию. Главными торговыми партнёрами эмиров были генуэзцы. Генуэзские купцы держали в Малаге свои склады, скупали шёлк и сухие фрукты и продавали их по всей Европе. Генуэзские торговые интересы не всегда совпадали с политическими союзами христианских государств. Торговля через Средиземное море продолжалась даже в периоды вооружённого противостояния.

Жизнь гранадцев хорошо видна в книгах их законоведов. Сборники фетв — ответов муфтиев на вопросы горожан и крестьян — рассказывают о спорах из-за воды для орошения, о долгах генуэзским купцам, о том, можно ли покупать сукно, привезённое христианами, и как поступать с пленным, принявшим ислам. Эти свидетельства помогают восстановить повсе-

дневную жизнь сельских общин, ремесленников и торговцев Гранады. Насриды жили торговлей не меньше, чем войной, и именно доходы от этой торговли позволяли им платить дань Кастилии и строить Альгамбру.

Главной опасностью для Кастилии в конце XIII века стала новая африканская держава. На месте рухнувшего государства альмохадов в Марокко утвердилась династия Маринидов. Её султаны не раз переправлялись через пролив с войсками, призывая к джихаду, и в 1275 году разбили кастильцев у Эсихи. Важнейшей целью противоборствующих сторон был контроль над проливом и портами Тарифа, Альхесирас и Гибралтар, от которых зависела переброска войск между Африкой и полуостровом.

В 1292 году кастильцы взяли Тарифу. С её обороной связано известное испанское предание. В 1294 году город осадило маринидское войско, с которым пришёл кастильский инфант Хуан, брат короля, поссорившийся с ним и перешедший к мусульманам. Крепость защищал Алонсо Перес де Гусман. В руках инфанта оказался его сын. Подведя мальчика к стенам, осаждающие потребовали сдать город, угрожая убить ребёнка. Гусман, по преданию, ответил, что не сдаст крепость короля, и бросил со стены собственный нож, чтобы им было чем исполнить угрозу. Мальчика убили. Город устоял. Гусман получил прозвище Эль Буэно, «Добрый», и стал родоначальником герцогов Медина-Сидония. Насколько точно предание передаёт события, сказать трудно: первые рассказы о ноже появляются в источниках не сразу. Но легенда стала частью испанского представления о верности и чести.

В 1309 году кастильцы взяли Гибралтар, но в 1333 году потеряли его. Крупнейшее столкновение произошло в 1340 году. Маринидский султан Абу-ль-Хасан, самый могущественный правитель Магриба своего времени, переправился в Испанию с огромным войском и вместе с эмиром Гранады Юсуфом I осадил Тарифу. Кастильский король Альфонсо XI призвал на помощь своего тестя, короля Португалии Афонсу IV. Папа Бенедикт XII объявил поход крестовым. 30 октября 1340 года на реке Саладо, у самой Тарифы, христиане одержали полную победу. Лагерь султана был разграблен, в плен попали его жёны и сын, а добыча была так велика, что, по рассказу кастильской хроники, цены на золото и серебро в Европе заметно упали. Поражение при Саладо существенно ослабило возможности Маринидов вести масштабные кампании на полуострове. После неё Мариниды уже не переправляли больших армий через пролив.

Через два года Альфонсо XI осадил Альхесирас, главный порт мусульман на испанском берегу. Осада продолжалась с 1342 по 1344 год и привлекла участников из нескольких европейских государств. Сюда пришли рыцари из Франции, Англии, Германии, Наварры. Среди них были английские графы Дерби и Солсбери, граф Гастон де Фуа, король Наварры Филипп III, который заболел и умер во время похода. Под стенами Альхесираса, по словам кастильского хрониста, защитники города стреляли по христианам из орудий, метавших огонь и железные ядра. Это одно из первых в Европе упоминаний об огнестрельном оружии. В марте 1344 года город сдался.

Для части европейского рыцарства XIV века походы в Испанию, как и походы в Литву, давали возможность обрести военную славу, о чём пойдёт речь в восьмой главе. Английский поэт Джеффри Чосер в прологе к «Кентерберийским рассказам», написанном в 1380-х годах, описывает образцового рыцаря. Этот рыцарь, говорит Чосер, побывал в Гранаде при осаде Альхесираса и сражался в Бельмарии, которую обычно связывают с владениями Маринидов, а ещё в Александрии, в Пруссии, в Литве и на Руси. Литературный образ Чосера отражал представление эпохи о рыцарской доблести и о дальних военных походах как части жизни знатного воина.

Один из известных рассказов об участии иностранных рыцарей связан с Шотландией. Шотландский король Роберт Брюс перед смертью в 1329 году попросил, чтобы его сердце отвезли в Иерусалим, так как сам он не успел исполнить обет крестового похода. Его верный

соратник, сэр Джеймс Дуглас, взял забальзамированное сердце в серебряном ларце и отправился в путь. По дороге он узнал, что король Кастилии Альфонсо XI воюет с Гранадой, и решил сначала сразиться с маврами здесь. В 1330 году в битве у замка Теба Дуглас со своими людьми слишком далеко оторвался от кастильского войска и был окружён. Шотландский хронист рассказывает, что он снял с шеи ларец с сердцем короля, бросил его вперёд, в гущу врагов, со словами: «Иди вперёд, как ты всегда шёл, а Дуглас последует за тобой», и бросился за ним. Дуглас погиб. Ларец нашли на поле боя и привезли в Шотландию, где сердце Брюса похоронили в аббатстве Мелроуз. Рассказ о последних словах Дугласа известен по позднейшей исторической традиции; подробности его гибели требуют осторожной оценки.

Альфонсо XI не успел довести войну до конца. В 1350 году он осадил Гибралтар, и в его лагере вспыхнула чума, та самая Чёрная смерть, что за два года перед тем опустошила Европу. Король умер в марте 1350 года. Кастильская хроника рассказывает, что мусульмане Гибралтара, узнав о его смерти, не стали нападать на отступающее войско, а многие из них, вышедшие посмотреть, как увозят тело, говорили, что умер добрый король и великий государь. Достоверность этой сцены проверить трудно; вместе с тем она показывает, как кастильский летописец стремился представить отношение противников к умершему королю.

Чума и последовавшая за ней гражданская война в Кастилии, борьба короля Педро I, прозванного Жестоким, с его единокровным братом Энрике Трастамарским, надолго затруднили крупные наступательные кампании против Гранады. В XIV веке Гранада достигла заметного культурного и архитектурного расцвета. Именно тогда, при эмирах Юсуфе I и Мухаммаде V, была построена большая часть дворцов Альгамбры, той самой «Красной крепости» на холме над Гранадой, сохранившейся до наших дней. Знаменитый Львиный двор с фонтаном, который держат двенадцать каменных львов, относится ко времени Мухаммада V, ко второй половине XIV века. По стенам Альгамбры бегут тысячи раз повторённые слова того самого девиза основателя династии. Среди надписей есть и стихи придворного поэта и везира Ибн Зумрука и его учителя Ибн аль-Хатиба, тоже везира и одного из крупнейших писателей своего века. Поэтические надписи становятся частью архитектурного убранства: фонтан, по одной из надписей, сравнивает себя с жемчугом, а купол с небесным сводом.

В годы кастильской междоусобицы гранадский эмир Мухаммад V поддерживал короля Педро I. Свергнутый в 1359 году, он нашёл убежище за пределами эмирата и в 1362 году вернул престол при содействии кастильского союзника. Его соперник Мухаммад VI, пытавшийся добиться примирения с Педро, прибыл в Севилью и был убит по приказу короля. После восстановления Мухаммада V союз двух дворов продолжился: гранадский правитель оказывал Педро военную поддержку, а мастера из Гранады участвовали в украшении королевского дворца в Севилье. Противники Педро использовали его связи с мусульманскими и еврейскими подданными как повод для политических обвинений.

В одном из залов, выходящих на Львиный двор, сохранились росписи, происхождение которых вызывает споры среди историков искусства. Его своды покрыты росписями на коже, натянутой на дерево, и на них изображены сцены, которых трудно ожидать во дворце мусульманского государя: рыцари в доспехах сражаются на поединках, дамы смотрят на них с башен, охотники преследуют оленей и кабанов, а в центральной росписи десять мавританских вельмож сидят на совете. Написаны эти картины, по-видимому, в конце XIV века, в манере итальянской или кастильской готической живописи. Неизвестно, создал ли их приглашённый христианский мастер или местный художник, знакомый с христианской живописью. Но росписи показывают, что гранадский двор жил не в изоляции и воспринимал художественные влияния соседних земель.

В эти же годы в Гранаде несколько лет служил выдающийся историк средневекового исламского мира. Ибн Хальдун, уроженец Туниса, происходил из старинного рода, жившего когда-то в Севилье и бежавшего в Африку после её падения в 1248 году. В 1364 году эмир

Гранады Мухаммад V отправил его послом к кастильскому королю Педро в Севилью. В своей автобиографии Ибн Хальдун рассказывает, что видел в Севилье памятники своих предков и что король Педро, узнав, кто он такой, предложил ему остаться у него на службе и обещал вернуть родовые владения. Историк вежливо отказался. Позже он поселился в Северной Африке, а затем в Каире, и написал там знаменитое «Введение» к своей всемирной истории, где размышлял о том, почему династии рождаются, крепнут и погибают. Опыт службы при дворах Магриба и Гранады стал частью его размышлений о власти и смене династий.

Марокканский путешественник Ибн Баттута прибыл в Гранаду в середине XIV века после многолетних странствий по Африке и Азии. В его описании город окружён садами; путешественник рассказывает и о встречах с местными учёными и суфиями. Среди его собеседников были люди, прежде жившие в Персии, Самарканде и Индии. Эти свидетельства помогают представить Гранаду не изолированной окраиной, а городом, сохранявшим интеллектуальные и религиозные связи с другими областями мусульманского мира.

Судьба Ибн аль-Хатиба, о котором уже шла речь, сложилась трагически. Везир Мухаммада V был одновременно историком, врачом и поэтом; его обширное литературное наследие не избавило его от придворной вражды. Среди противников оказался и бывший ученик Ибн Зумрук. Около 1371 года Ибн аль-Хатиб бежал в Марокко, опасаясь расправы. В Гранаде его обвинили в ереси и сожгли часть книг. В 1375 году он погиб в заключении в Фесе. Ибн Зумрук занял видное место при гранадском дворе. Стихотворные строки обоих авторов сохранились в убранстве Альгамбры — напоминание о том, как близко соседствовали придворная культура и политическое соперничество.

На границе Гранадского эмирата и Кастилии крупные походы чередовались с долгими периодами мелких столкновений. Даже перемирия не всегда останавливали набеги, угон скота и захват пленников. Для их освобождения существовали посредники — алфакеке, которые пересекали границу, согласовывали сумму выкупа и сопровождали освобождённых домой. Выкупом христианских пленников занимались также тринитарии, основанные во Франции в 1198 году, и мерседарии, возникшие в Барселоне около 1218 года. У мерседариев существовал особый обет: при необходимости остаться заложником вместо пленника, пока не будет собран выкуп.

Пограничные споры не всегда решались оружием. В Кастилии жалобы на набеги и угон скота разбирали судьи, известные как «алькальды между маврами и христианами»; с гранадской стороны действовали соответствующие представители власти. Они обсуждали возмещение ущерба и пытались не допустить, чтобы отдельная стычка нарушила перемирие. При этом жители соседних областей продолжали торговать и общаться, порой владели языком другой стороны. Некоторые переходили границу, спасаясь от суда или долгов, а в военное время знание дорог и местных обычаев делало таких перебежчиков полезными проводниками.

Граница породила и свою поэзию. Кастильские пограничные романсы XV века, короткие песни о набегах, поединках и осадах, нередко изображают мусульманских героев с сочувствием. В одном из самых известных романсов кастильский король, стоя под Гранадой, спрашивает пленного мавра, что за дворцы он видит на холме, и, услышав про Альгамбру, обращается к самому городу, как к невесте: если бы ты захотела, Гранада, я женился бы на тебе и дал бы тебе в приданое Кордову и Севилью. А город отвечает, что уже замужем и что муж, который ею владеет, очень её любит. Мусульманские персонажи в этих романсах нередко показаны благородными и отважными, а Гранада окружена романтическим ореолом. Это была граница не только вражды, но и восхищения.

Мусульманские богословы спорили о том, как жить тем, кто остался под властью христиан. В конце XV века уважаемый правовед из Феса аль-Ваншариси, отвечая на вопросы испанских мусульман, вынес строгое заключение: мусульманин не может оставаться в стране, где правят неверные, если у него есть возможность уйти, ибо там он не может как следует

исполнять закон. Те, кто остаются ради имущества и родной земли, грешат. Но уйти могли далеко не все. И через несколько лет после падения Гранады, когда мусульман начали принуждать к крещению, другой муфтий, из Орана, ответил им иначе: если вас заставляют, произносите вслух то, что требуют, а в сердце храните веру, молитесь хотя бы знаками и не бойтесь, ибо Бог видит намерение. Эти два ответа ясно показывают, перед каким выбором стояли люди, оказавшиеся по ту сторону меняющейся границы.

В XV веке Кастилия вновь начала наступать. В 1410 году инфант Фернандо, регент при малолетнем короле, взял крепость Антекеру и получил прозвище Фернандо Антекерский. Через два года он стал королём Арагона. В 1431 году кастильцы разбили гранадцев в битве при Игеруэле, недалеко от самой Гранады. Но решительного наступления по-прежнему не было. Гранаду раздирали собственные смуты: эмиров свергали, убивали, возвращали на престол, и знатные гранадские роды, особенно знаменитые Абенсеррахи, воевали друг с другом и с правителями.

Португалия к этому времени уже не имела общей границы с исламом на полуострове и перенесла войну за море. В 1415 году большой португальский флот неожиданно высадился у Сеуты, богатого марокканского порта напротив Гибралтара, и взял его за один день. В походе участвовал молодой принц Энрике, которого потом назовут Мореплавателем. Для португальцев взятие Сеуты было продолжением Реконкисты, и папа дал участникам крестовые привилегии. Завоевание Сеуты стало частью португальской экспансии в Северной Африке; в последующие десятилетия развивались и морские экспедиции вдоль западного побережья Африки. Принц Энрике стал правителем ордена Христа, который, как рассказывалось в томе III, унаследовал португальские владения тамплиеров, и тратил его доходы на снаряжение кораблей.

Гибралтар, за который долго соперничали Кастилия, Гранада и Мариниды, ещё не раз менял владельцев. Само название крепости восходит к арабскому Джебель-Тарик — «гора Тарика» — и напоминает о высадке войска Тарика ибн Зияда в 711 году. В августе 1462 года кастильские силы, воспользовавшись ослаблением Гранадского эмирата, овладели крепостью. Власть мусульманских правителей над Гибралтаром на этом завершилась. Его захват англо-нидерландским флотом в 1704 году относится уже к войне за Испанское наследство и к иной исторической эпохе.

В 1469 году Изабелла, будущая королева Кастилии, вышла замуж за Фернандо, наследника арагонского престола. Изабелла стала королевой Кастилии в 1474 году, а Фернандо унаследовал Арагон в 1479 году. Так два крупнейших христианских королевства полуострова оказались связаны династическим союзом. Католические короли, как их назовёт позже папа, начали подготовку к завоеванию Гранадского эмирата.

Католические короли укрепляли свою власть и внутри страны. В 1478 году папа разрешил им учредить в Кастилии собственную инквизицию, подчинённую не Риму, а короне. Её главной заботой поначалу были не мусульмане и не открытые еретики, а «новые христиане», крещёные евреи и их потомки, которых подозревали в тайном соблюдении иудейских обрядов. Многие из них занимали высокие должности при дворе, в городах и даже в церкви, и вражда к ним во многом была враждой к соперникам. Первый великий инквизитор, доминиканец Томас де Торквемада, сам, по некоторым известиям, происходил из семьи крещёных евреев. В первые десятилетия своей деятельности испанская инквизиция отправила на костёр, по разным подсчётам, несколько тысяч человек. Позднее, после крещения мусульман Гранады, она обратилась и против морисков.

Война началась в 1482 году, когда кастильский отряд внезапно захватил город Альхаму, в самом сердце эмирата. В следующем году молодой эмир Мухаммад XII, которого испанцы звали Боабдилем, поднявший мятеж против собственного отца, выступил в поход и был взят в плен при Лусене. Фердинанд не стал его казнить, а отпустил, взяв с него обещание быть вассалом Кастилии, и Боабдиль надолго стал орудием в руках христиан против своего отца и

дяди. Кастильские войска брали город за городом; особенно важную роль в осадах играла их многочисленная тяжёлая артиллерия. Большие бомбарды, отлитые итальянскими и немецкими мастерами, разрушали стены, которые прежде выдерживали многомесячные осады.

В ходе войны за Гранаду осадная артиллерия приобрела особенно большое значение. Кастильцы собрали значительный по тем временам парк осадных орудий, включая бомбарды и другие пушки, которые везли по горным дорогам на телегах, прокладывая для них новые пути. Мастер-артиллерист Франсиско Рамирес де Мадрид, по рассказам хронистов, сам руководил обстрелом крепостей. Стены, построенные для защиты от лучников и таранов, не выдерживали каменных и железных ядер. В 1485 году под огнём кастильских пушек сдалась Ронда, считавшаяся неприступной. Ронда, родина поэта ар-Рунди, некогда оплакавшего утрату мусульманских владений, сама перешла под власть Кастилии.

Внутренние раздоры ослабляли Гранадский эмират в годы кастильского наступления. При дворе Абу-ль-Хасана, известного в испанских источниках как Мулей Асен, соперничали сторонники разных наследников. Позднейшие рассказы связывают раскол с его отношениями с Сорайей и первой женой Айшой, матерью Боабдиля; подробности этой семейной истории трудно отделить от предания. Боабдиль выступил против отца, а затем боролся за власть со своим дядей Мухаммадом аз-Загалем. Пока претенденты оспаривали престол, кастильские войска занимали один город за другим. Хронисты придавали династическому конфликту большое значение, хотя исход войны зависел и от военного превосходства противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.